

































































































































































































































































божественного света и дьявольской тьмы. В мифологических описаниях спиритуалистов, прежде всего в описаниях их видений, реализовывались разные мифологические и художественные сюжеты, интересные литературоведам и фольклористам [Пермякова 2019, с. 81–82]. Народный медиумизм был основным поставщиком мифологических нарративов, сюжетов и образов, и хотя среди спиритуалистов мифология в публичной сфере обычно репрессировалась, она приобрела второе дыхание с наступлением эпохи символизма. Национальный подъем начала XX в. также способствовал популяризации спиритуалистической мифологии, придавая спиритуализму религиозный колорит за счет сближения его с русскими народными сектами, к примеру с хлыстовством<sup>20</sup>. Можно заключить, что как феномен высокой интеллектуальной культуры спиритуализм, представленный его «вершинами», тяготел к модернизму, в то время как его низовые формы были в значительной мере религиозно традиционны.

С точки зрения истории религии русских спиритуалистов можно разделить на два типа, которые я предлагаю обозначить как «универсалистский», в большей степени тяготевший к религиозному модернизму, и «традиционалистский», выражавший в своих крайних проявлениях тенденцию религиозного фундаментализма. Применительно к отечественному контексту ключевым различием между двумя типами следует признать отношение их представителей к христианству, прежде всего учению Русской православной церкви. Представители универсалистского типа полагали, что христианские догматы являются историческими «пережитками», а само христианство трансформируется, благодаря спиритуализму, в новую универсальную мировую религию. В основание этой религии универсалисты могли закладывать популярную в ту эпоху этическую максиму о любви к ближнему, на основе которой предполагалось построение нового справедливого общества. В основе универсалистского проекта лежало представление, согласно которому «вопросы о жизни или смерти должны решаться не на основании буквы, которая изменчива и искажаема, а на основании откровений природы, которые незыблемы и вечны»<sup>21</sup>. Эти «откровения природы» если и намекали на наличие Бога, то усматривали его в глубине человека и природы и, на мой взгляд, ясно свидетельствовали

---

<sup>20</sup> Дискуссия того времени о соотношении «спиритуализма» и «хлыстовства» [Панченко 2002] заслуживает отдельного исторического исследования. См. критическую реплику П.А. Чистякова на исследование спиритуализма под руководством П.А. Флоренского: *Пач. Плоды недопросвещения* // Ребус. 1912. № 15. С. 6.

<sup>21</sup> *Аксаков А.Н. К чему?* // Ребус. 1900. № 74. С. 8.

об отходе от православной идентичности и утверждении космополитического религиозного идеала.

В Российской империи получил распространение традиционалистский тип, вступавший в сложные и противоречивые отношения с православием. В христианском спиритуализме я предлагаю выделить две тенденции – «либеральную» и «консервативную». Объединял обе тенденции тезис о необходимости реформирования христианской церкви на новых началах, разъединяло же их понимание степени и глубины такого реформирования. Либеральные спиритуалисты в большей степени были сосредоточены на критике церкви как института, полагая, что ее реформа, с учетом требований свободы слова и свободы собраний, способна обновить христианство – в этом отношении эта тенденция максимально соотносилась с религиозным модернизмом в его классическом понимании как движением за обновление церкви и ее адаптацию к меняющейся социокультурной среде<sup>22</sup>. Такие спиритуалисты с симпатией относились к религиозным инновациям, позволявшим примирить богословие и науку, склонялись к христианскому экуменизму, подчеркивая единство христианского откровения, преуменьшая значение различий между христианскими конфессиями<sup>23</sup> и даже допуская – со временем, но не в настоящую эпоху – постепенную трансформацию христианства в новую мировую религию.

Консервативная тенденция, напротив, настаивала, что не столько абстрактно понимаемое «христианство», но именно православие следует признать религией, следование которой необходимо для совершенствования в духовном мире. Иногда этот тезис смягчался и сужался с учетом национальной специфики – православие считалось необходимым исключительно для русского народа. Во-первых, консервативные спиритуалисты настаивали на том, что необходимо придерживаться христианской догматики и продолжать следовать христианским практикам. Во-вторых, они использовали оккультные концепции для своего рода «естественной апологетики» традиционных практик, например, популярная концепция «флюида» объясняла, почему необходимо поклоняться мощам, соблюдать таинства евхаристии и венчания, посещать святые места, сохранять традиционную богослужебную одежду<sup>24</sup>.

---

<sup>22</sup> Модернизм религиозный // Христианство: словарь / Под общ. ред. Л.Н. Митрохина. М.: Республика, 1994. С. 286–287.

<sup>23</sup> Ответы на вопросы подписчиков // Голос всеобщей любви. 1907. № 10. С. 35.

<sup>24</sup> О таинствах евхаристии, способностях и соизмеримости // Спиритуалист. 1906. С. 170; *Князь Инок*. Немногие делайте учителями // Спиритуалист. 1906. № 6. С. 252.

Наконец, смыкаясь с правым консерватизмом как политической доктриной, традиционалисты могли ставить под сомнение необходимость свободы слова и свободы собраний, критикуя «космополитизм» и постулируя преданность монарху как главный политико-религиозный идеал<sup>25</sup>. На мой взгляд, две тенденции в христианском спиритуализме были порождены двойственностью спиритуалистической религиозной философии, которая, с одной стороны, ставила в фокус своего внимания проблему смысла существования человека, с другой – видела для него единственный путь развития внутри божественной духовной иерархии под руководством Бога.

### *Спиритуализм и православие: герменевтика и практика*

С точки зрения истории религии, ответ на вопрос о специфике русского спиритуализма следует искать в религиозной среде распространения спиритуалистических учений и особенностях их культурной апроприации. Ключевым фактором, способствовавшим трансформации спиритуализма на русской почве, было православие. В русском спиритуализме можно выделить две основные стратегии включения православия – герменевтическую и практическую. Герменевтика заключалась в комментировании библейских текстов в целях их сопоставления с мнениями православной традиции для их последующего согласования со спиритуалистической религиозной философией. К примеру, христианские спиритуалисты считали, что запрет на общение с душами «отошедших» не имеет отношения к христианам, поскольку православная житийная литература рассказывает об общении с духами святых. Они могли определять себя как преемников традиции православного мистицизма, рекомендуя читать разнообразную аскетическую, монашескую и вероучительную литературу.

Важным вопросом герменевтики, учитывая широкое распространение в России учения Кардека, был вопрос о совместимости православия и доктрины перевоплощения. В русском христианском спиритуализме были представлены мнения трех разных групп – те, кто отрицал перевоплощение, те, кто считал его исключением из общего правила (например, А.И. Боброва и П.А. Чистяков), и те, кто его пытался совместить с православием (например, Е.И. Молоховец и В.П. Быков). Существовала точка зрения, согласно которой русские спиритуалисты – по отношению

---

<sup>25</sup> Молоховец Е.И. Монархизм, национализм и православие. СПб., 1910.

к английским и французским – занимают компромиссную позицию, они принимают прогрессивное развитие человека в духовном мире, но также признают перерождение в виде исключения из общего правила<sup>26</sup>. К примеру, хотя участники Гродненского кружка считали, что доктрина перевоплощения несовместима с православием, они не могли от нее полностью отказаться. Перевоплощение считалось средством совершенствования, которое, однако, не распространялось на христиан: «Перевоплощаются большею частью Духи нехристианские; они рождаются после от родителей-христиан»<sup>27</sup>. Более того, духи в загробном мире постепенно и сами могут делаться христианами: «Какое учение проповедают нехристианские духи на сеансах своим единоверцам? – Христианское учение, но через известный срок после смерти»<sup>28</sup>.

Включение православия с практической стороны заключалось в использовании православной атрибутики во время сеансов, например, икон и креста, плакатов с цитатами из псалмов, православных молитв как средств защиты от злых сил; учета при проведении сеансов православного календаря, в частности праздников и постов. Ключевым фактором использования православной практики на сеансе считалась его предполагаемая эффективность как средства, позволявшего достичь ключевых целей совместных собраний – получить подтверждение истинности православия, обрести прямое духовное руководство со стороны православных духов и идти по пути духовно-нравственного совершенствования. Идеальный кружок мыслился как социальное средство внутренней христианской реформации православной церкви, место проявления и реализации евангельских христианских даров, а отношения внутри него должны были строиться по модели христианского общежития.

Степень интеграции православия и спиритуализма различалась от кружка к кружку и зависела от целей руководителей кружка, которые согласно мнению самих спиритуалистов можно было разделить на «экспериментальные» и «морально-этические». К примеру, Шкотовский кружок представлял информацию о сеансе в протокольном стиле, описывавшем происходившие события и переживания присутствующих лиц. Предлагаемые описания напоминали микро-театр, в котором разным участникам были уготованы разные роли, и православие в этом «театре» превращалось

---

<sup>26</sup> Б. По пути // Ребус. 1908. № 5. С. 3.

<sup>27</sup> Волковицкая М.М. Из загробного мира: сообщения, полученные в Гродненском частном спиритуалистическом кружке, и как организовался кружок. Гродно: Губ. тип., 1907. С. 51–52.

<sup>28</sup> Там же. С. 51.

в действенное оружие против злых сил: «Как быстро ни старался подойти к трансирующему медиуму и разбудить его, но уже начали проявляться темные силы: медиум стал гнать что-то ползущее к нему справа и затем с силою и ожесточением стал топтать ногами что-то приползшее к его ногам»<sup>29</sup>. Добрые духи, предлагая новые (sic!) действенные молитвы, актуализировали православную традицию, а пассивные участники обретали уверенность в своей способности влиять на невидимые силы. Своеобразный «отыгрыш» «классических» событий сеанса, например, – наставление духа-руководителя, нападение злых сил, исцеление заблудшего духа – позволял участникам непосредственно «проживать» некоторые житийные и библейские сюжеты.

Другой пример – Гродненский кружок – мыслился его создателями прежде всего как этико-религиозное объединение, нацеленное на «нравственную переработку»<sup>30</sup> его участников. Духи регулярно критиковали неправильные религиозные взгляды, к примеру, критиковалось толстовство, поскольку спиритуалисты, если судить по их частым отзывам о творчестве Л.Н. Толстого, усматривали и близость и противоречие с этим религиозным движением: «Как же надо относиться к исповеди? – Забыть, что тебя слушает человек. – Тогда можно перед каждым человеком исповедоваться. – Ты – толстовец!»<sup>31</sup>. Кроме того, духи подчеркивали значение таинства исповеди, молитвы, посещения монастырей, рекомендуя членам кружка коллективно ходить в церковь, а также отправиться в совместную поездку в Саратов<sup>32</sup>. Главной задачей такого рода кружков была не столько демонстрация тех или иных явлений, но ответы на вопросы, наставление, проповедь и защита православия.

\* \* \*

Подводя итог в рассуждениях о религиозной природе русского спиритуализма, необходимо подчеркнуть, что гетерогенность его учений, обусловленная способом их получения и легитимации, позволяла русским спиритуалистам, с одной стороны, соединять их с другими религиозными формами, с другой стороны, делала невозможной религиозную консолидацию в отсутствие согласия разных спиритуалистических групп по ключевым вопросам предметов веры. Христианство, в том случае если спиритуалисты продолжали его придерживаться, выступало в качестве естественной

<sup>29</sup> Сеансы Шкотовского кружка // Ребус. 1906. № 16. Прил. С. 2.

<sup>30</sup> Волковицкая М.М. Указ. соч. С. 3.

<sup>31</sup> Там же. С. 51.

<sup>32</sup> Там же. С. 87.

платформы, на которой могла быть установлена позитивная кооперация между разными спиритуалистами. Учитывая характерную для русского православия дискурсивную стратегию противостояния западным религиозным учениям, русские спиритуалисты стремились за счет универсализации спиритуализма продемонстрировать его совместимость – как части мистической традиции – с православием. Спиритуализм на русской почве претерпел процесс культурной апроприации, который несколько десятилетий ранее случился со swedenborgianством, считавшимся в глазах некоторых его русских последователей совместимым с православной традицией<sup>33</sup>.

На мой взгляд, исторически неточно относить спиритуализм исключительно к полю «внеконфессиональной» мистики, в то время как по крайней мере христианские спиритуалисты видели себя частью христианской традиции и православия. Вопрос о научной оправданности их самоопределения выходит за границы феноменологического подхода, основывающегося на анализе исторических данных и стремящегося установить ключевые паттерны группового исторического самоопределения. Русский спиритуализм второй половины XIX столетия действительно испытал влияние оккультных учений, однако в лице многих своих представителей проводил различие между «здоровым» и «нездоровым» мистицизмом: лишь те духовные сообщения, что не противоречили христианству, могли считаться христианскими спиритуалистами истинными.

Вера спиритуалистов в существование особого духовного института – иерархии совершенствующихся духов – стала ключевым предметом веры спиритуализма как религиозного движения второй половины XIX столетия. Вера в духовную эволюцию человека и космоса делала, с точки зрения христианских спиритуалистов, русский спиритуализм одним из средств внутренней реформации православной церкви на пути ее возвращения к евангельским началам. Основанием для такой реформации выступали, однако, старые духовные авторитеты, прежде всего различные святые, учившие православию из будущего мира и делавшими его актуальным для мира современного.

---

<sup>33</sup> The East and Swedenborg // The intellectual repository and New Jerusalem magazine. London, 1872. P. 352.

*Литература*

- Головушкин 2015 – Головушкин Д.А. Религиозный модернизм: границы применяемости понятия // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». № 13. 2015. С. 210–217.
- Маклакова 2020 – Маклакова А.А. «Да будут светильники ваши готовыми»: коллективная идентичность и индивидуальная судьба в перспективе эсхатологии: (по материалам Московского спиритического кружка) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 38 (3). С. 284–305.
- Носачев 2011 – Носачев П.Г. Эзотерика: основные моменты истории термина // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2011. № 34. С. 49–60.
- Носачев 2023 – Носачев П.Г. Отреченное знание. Изучение маргинальной религиозности в XX и начале XXI века. Историко-аналитическое исследование. М.: НЛО, 2023. 504 с.
- Панин 2019 – Панин С.А. Философия эзотеризма: Эзотеризм как предмет исторической и философской рефлексии. М.: НЛО, 2019. 208 с.
- Панченко 2002 – Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002. 544 с.
- Пахомов 2011 – Пахомов С.В. Контуры эзотериологии: эскиз научной дисциплины об эзотеризме // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. «Тайное и явное»: многообразие репрезентаций эзотеризма и мистицизма: Сб. материалов Четвертой международной научной конференции (2–4 декабря 2010 г., Днепропетровск). СПб.: РХГА, 2011. С. 76–90.
- Пермякова 2019 – Пермякова М.А. К вопросу об идеологии Санкт-Петербургского кружка для исследований в области психизма: православный спиритуализм И.А. Карышева // Религиоведческие исследования. 2019. № 20. С. 67–83.
- Шахнович 1965 – Шахнович М.И. Современная мистика в свете науки. М.: Наука, 1965. 205 с.
- Шевчук 2019 – Шевчук А.И. Феномен «христианской теософии» в России: (по материалам Смоленского теософского общества) // Религиоведческие исследования. 2019. № 20. С. 84–103.
- Braude 2001 – Braude A. Radical spirits. Spiritualism and women rights in nineteenth century America. 2<sup>nd</sup> ed. Bloomington: Indiana University Press, 2001. 268 p.
- Buescher 2004 – Buescher J.B. The other side of salvation. Spiritualism and the 19th-century religious experience. Boston: Skinner House Books, 2004. 288 p.
- Natale 2016 – Natale S. Supernatural entertainments. Victorian spiritualism and the rise of modern media culture. University Park: The Pennsylvania University Press, 2016. 248 p.
- Noakes 2019 – Noakes R. Physics and psychics. The occult and the sciences in modern Britain. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 418 p.

- Oppenheim 1985 – *Oppenheim J.* The other world. Spiritualism and psychical research in England, 1850–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 503 p.
- Styers 2004 – *Styers R.* Making magic. Religion, magic, and science in the modern world, Oxford: Oxford University Press, 2004. 304 p.
- Versluis 2001 – *Versluis A.* The esoteric origins of the American Renaissance. N. Y.: Oxford University Press, 2001. 240 p.

## References

---

- Braude, A. (2011), *Radical spirits. Spiritualism and women rights in nineteenth century America*, 2<sup>nd</sup> ed., Indiana University Press, Bloomington, USA.
- Buescher, J.B. (2004), *The other side of salvation. Spiritualism and the 19<sup>th</sup>-century religious experience*, Skinner House Books, Boston, USA.
- Golovushkin, D.A. (2015), “Limits of applicability of the term ‘Religious modernism’”, *The bulletin of Irkutsk State university. Series “Political Science and Religion Studies”*, no. 13, pp. 210–217.
- Maklakova, A.A. (2020), “‘Let your lamps be ready’. Individual destiny and collective identity in eschatological perspective (The case of the Moscow Spiritualist Circle)”, *Gosudarstvo, religia, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, vol. 38, no. 3, pp. 284–305.
- Natale, S. (2016), *Supernatural entertainments. Victorian spiritualism and the rise of modern media culture*, The Pennsylvania University Press, University Park, USA.
- Noakes, R. (2019), *Physics and psychics. The occult and the sciences in modern Britain*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Nosachev, P.G. (2011), “Main historical features of the term ‘Esotericism’”, *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, no. 34, pp. 49–60.
- Nosachev, P.G. (2023), *Otrechennoe znanie. Izuchenie marginal’noj religioznosti v XX i nachale XXI veka. Istoriko-analiticheskoe issledovanie*, NLO, Moscow, Russia.
- Oppenheim, J. (1985), *The other world. Spiritualism and psychical research in England, 1850–1914*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Panin, S.A. (2019), *Filosofiya ezoterizma: Ezoterizm kak predmet istoricheskoi i filosofskoi refleksii* [The philosophy of esotericism. Esotericism as a subject of historical and philosophical reflection], NLO, Moscow, Russia.
- Panchenko, A.A. (2002), *Khristovshchina i skopchestvo: fol’klor i traditsionnaya kul’tura russkikh misticheskikh sekt* [Christovshchina and Skopchestvo. Folklore and traditional culture of Russian mystical sects], OGI, Moscow, Russia.
- Pakhomov, S.V. (2011), “The contours of soteriology. The draft of a scientific discipline for the study of esotericism” in *Mistiko-ezotericheskie dvizheniya v teorii i praktike: «Tainoe i yavnoe»: mnogoobrazie reprezentatsii ezoterizma*

- i mistitsizma: Sbornik materialov Chetvertoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (2–4 dekabrya 2010 g., Dnepropetrovsk)* [Mystico-esoteric movements in theory and practice. Proceedings of the 4th scientific conference held in Dnepropetrovsk], RHGA, Saint Petersburg, Russia, pp. 76–90.
- Permyakova, M.A. (2019), “Religious ideology of The St. Petersburg Circle for Psychical Research Revisited. I.A. Karyshev’s Orthodox spiritualism”, *Religiovedcheskie issledovaniya*, no. 20, pp. 67–83.
- Shakhnovich, M.I. (1965), *Sovremennaya mistika v svete nauki* [Modern mysticism in the light of science], Nauka, Moscow, USSR.
- Shevchuk, A.I. (2019), “The phenomenon of ‘Christian theosophy’ in Russia (The case of the Smolensk Theosophical Society)”, *Religiovedcheskie issledovaniya*, no. 20, pp. 84–103.
- Styers, R. (2004), *Making magic. Religion, magic, and science in the modern world*. Oxford University Press, Oxford, UK.
- Versluis, A. (2001), *The esoteric origins of the American Renaissance*, Oxford University Press, New York, UK.

#### *Информация об авторе*

*Владислав С. Раздьяконов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; razdyakonov.vladislav@gmail.com

#### *Information about the author*

*Vladislav S. Razdyakonov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; razdyakonov.vladislav@gmail.com

## Рецензии

---

УДК 394.8

DOI: 10.28995/2658-4158-2023-2-138-147

Рецензия на книгу:  
Дуэль:  
от Божьего суда до благородного преступления.  
М., 2022. 243 с.

Елена В. Шаповалова

*Российский государственный гуманитарный университет,  
Москва, Россия, e.sokhina@gmail.com*

*Для цитирования: Шаповалова Е.В. [Рец.]: Дуэль: от Божьего суда до благородного преступления. М., 2022. 243 с. // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2023. № 2. С. 138–147. DOI: 10.28995/2658-4158-2023-2-138-147*

Book review:  
The duel. From trial by combat to a noble crime.  
M., 2022. 243 p.

Elena V. Shapovalova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,  
e.sokhina@gmail.com*

*For citation: Shapovalova, E.V. (2023), "[Book review]: The duel. From trial by combat to a noble crime. M., 2022. 243 p.", Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion, no. 2, pp. 138–147, DOI: 10.28995/2658-4158-2023-2-138-147*

Дуэль, пусть и осталась где-то в далеком прошлом, по сей день не лишена романтической привлекательности. Александр Дюма оказался невероятно убедителен, утверждая, что «привлечь к ответу наглеца» – дело благородное, а запрещающие эдикты посягнули на одну из главных дворянских свобод: драться во имя чести. И разве

---

© Шаповалова Е.В., 2023

один из его героев, практически безупречный граф де Бюсси, полный решимости пронзить обидчика клинком, как мотылька булавой, за прошедшие века лишился хоть толики своего очарования? Когда в 2021 г. на экраны вышел фильм Ридли Скотта «Последняя дуэль»<sup>1</sup>, история вновь напомнила о себе, заиграв новыми красками, будучи дополненной темой «судебных поединков». Сверкающие в солнечных лучах доспехи, развевающиеся знамена, благородные мужи и прекрасные дамы – все это неотъемлемая часть идеализированного Средневековья и Ренессанса, а значит, рыцарские турниры, как и дуэли, по-прежнему будут вызывать интерес у публики. Поэтому неудивительно, что музейные выставки на эту тему пользуются популярностью. Не стала исключением и экспозиция «Дуэль. От Божьего суда до благородного преступления»<sup>2</sup>, организованная Музеями Московского Кремля<sup>3</sup>.

Книга, о которой идет речь, представляет собой каталог выставки, включающий не только подробные описания экспонатов<sup>4</sup>, но и исторический комментарий, касающийся формирования и развития дуэльных обычаев, с чем связан и акцент на XVI–XVII вв. – время, когда дуэльная практика получила окончательное оформление и максимальное распространение. Еще один любопытный факт заключается в том, что это один из тех редких случаев, когда каталог не соответствовал итоговой экспозиции<sup>5</sup>, будучи подготовлен к ее первоначальному варианту. Одно из предисловий каталога (как и статьи к разделам) написано отечественным историком Василием Новоселовым<sup>6</sup>, автором ряда работ по истории оружия и поединков<sup>7</sup>, вместе с Федором Панфиловым, являющимся

---

<sup>1</sup> Экранизация книги Эрика Джагера «Последняя дуэль: правдивая история испытания боем в средневековой Франции», опубликованной в 2004 г., в которой речь идет о судебном поединке 1386 г. (The last duel / Ed. by R. Scott. 2021).

<sup>2</sup> Сайт-каталит выставки. URL: <https://duel.kreml.ru/> (дата обращения 18.01.2023).

<sup>3</sup> Выставка проходила в Москве с 13 мая по 14 августа 2022 г.

<sup>4</sup> Каталог описывает 143 экспоната.

<sup>5</sup> Практически перед открытием выставки, когда каталог уже был подготовлен и издан, состав участников претерпел существенные изменения, как и состав экспонатов.

<sup>6</sup> Дуэль: От Божьего суда до благородного преступления: Каталог / Ред.-сост. Л.И. Ковальчук, В.Р. Новоселов, Ф.М. Панфилов. М., 2022. С. 11–25.

<sup>7</sup> Истории развития дуэльного кодекса посвящена его книга «Последний довод чести. Дуэль во Франции в XVI – начале XVII столетия» [Новоселов 2005], в 2019 г. был издан каталог, представляющий первую полную публикацию собрания европейского холодного клинкового оружия

автором концепции выставки. Второе – немецким исследователем из Государственного архива Нюрнберга Даниэлем Эдгаром Бургером<sup>8</sup> [Дуэль 2022, с. 27–34]. Оба представляют собой объемные статьи, дополненные многочисленными иллюстрациями, и рассматривают проблему возникновения и развития традиции поединков с разных ракурсов. В частности, Бургер делает акцент на истории ордалий, рассматривая их правовой и богословский аспекты, привлекая прежде всего материал позднесредневековой Священной Римской империи. В центре внимания Новоселова оказываются французы с их *point d'honneur* («вопрос чести»), дуэльным кодексом и королевской политикой в отношении дуэлянтов.

От проекта, посвященного поединкам, наверняка ждут в первую очередь демонстрации оружия и доспехов. Но обращает на себя внимание и количество представленных в экспозиции книг. Посетителям рассказывают о дуэли в то время, когда ее роль в качестве судебного испытания уже осталась в прошлом. Став своего рода проверкой благородства человека, дуэль быстро вошла в моду, что в свою очередь потребовало выработки свода правил ее проведения. Число теоретических трактатов, посвященных подобным поединкам, действительно, впечатляет. Организаторы выставки сразу дают понять, что речь идет об истории настоящего искусства. Один из представленных экземпляров – сочинение Камилло Агриппы<sup>9</sup>, изданное в 1568 г.<sup>10</sup> Внимание посетителя обращают на то, что перед ним первый трактат по фехтованию, в котором получает обоснование преимущество техники укола. Агриппа предлагает собственную систему фехтования, имевшую практическое назначение, где подробно описывались техники атаки, защиты и контратаки. Вплоть до парирования при помощи плаща и ухода от удара за счет нырков или поворота головы. Однако, по мнению автора, «наука оружия» (основанная на Справедливости) имеет и философское измерение, что выводит тему поединка на принципиально иной уровень.

---

Музеев Московского Кремля (см.: Новоселов В.Р. Европейское холодное клинковое оружие X–XX вв.: Каталог собрания. М.: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2019), к выставке, посвященной истории дуэли, было приурочено научно-популярное издание об истории поединков (см.: Новоселов В.Р., Панфилов Ф.М. Дуэли и дуэлянты / Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». М.: Август Борг, 2022) и др.

<sup>8</sup> Дуэль: От Божьего суда до благородного преступления... С. 27–34.

<sup>9</sup> Из фондов Российской государственной библиотеки, Москва.

<sup>10</sup> *Camillo Agrippa. Trattato di scienza d'arme et un dialogo in detta materia. Venetia, 1568.*

Структура каталога также отражает «теоретическую» и «практическую» стороны традиции, с учетом хронологического разделения. Так, первый его раздел посвящен рыцарским поединкам во Франции и представлениям об их истоках, восходящих как к библейскому сражению Давида и Голиафа, так и к римскому «славному бою за Отечество» братьев Горациев с Куриациями<sup>11</sup>. Оба примера были показательны для XVI в., поскольку, с одной стороны, легитимизировали поединки с точки зрения античной традиции – опыт древних<sup>12</sup>, а с другой – получали религиозное обоснование: победа Давида служила иллюстрацией божественного вмешательства и доказательства его правоты<sup>13</sup>. Еще одним не менее значимым примером для подражания служили поединки гладиаторов. Например, гравюра<sup>14</sup> Мастера игральной кости из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина восходит к рисунку<sup>15</sup>, автором которого, вероятнее всего, является Джулио Романо, созданному для рельефа в одном из мантуанских палаццо<sup>16</sup>. Подобная героизация гладиаторских боев не только иллюстрировала историю традиции, но и визуализировала представления о правилах поединков и примерах для подражания, перекликаясь с литературными сюжетами о легендарных сражениях.

Второй раздел каталога посвящен «коронованным рыцарям», знаменитым монархам XVI в.: Карлу V, Франциску I и Генриху VIII<sup>17</sup>. Известная история соперничества здесь подается сквозь призму куртуазной культуры, в рамках которой хорошим тоном было бросить противнику вызов. Автор статьи к данному разделу Федор Панфилов отмечает, что в реальных условиях настоящая дуэль между королем Франции и императором вряд ли была бы возможна<sup>18</sup>, но сам факт сведения идеи противостояния

<sup>11</sup> Дуэль: От Божьего суда до благородного преступления... С. 40–41.

<sup>12</sup> Там же. С. 41.

<sup>13</sup> Там же. С. 40.

<sup>14</sup> Мастер игральной кости. Поединок гладиаторов. 1530–1560 гг., гравюра резцом (по оригиналу Джулио Романо?), бумага, Италия, 24×23,3 см. Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Москва.

<sup>15</sup> Музей изобразительных искусств, Будапешт, инв. № 2124.

<sup>16</sup> Дуэль: От Божьего суда до благородного преступления... С. 42.

<sup>17</sup> Там же. С. 58–76.

<sup>18</sup> Еще один подобный пример относится к концу XVI в., когда в 1585 г. король Генрих Наваррский бросил вызов герцогу де Гизу, предлагая поединок лидеров вместо сражения армий и фактически перевода их противостояние в поле «Божьего суда» (*Declaration du Roy de Navarre sur les calomnies publiees contre luy és protestations de ceux de la Ligue qui se*

держав к возможности сражения монархов один на один красноречиво свидетельствует о значении дуэли в Европе в этот период<sup>19</sup>. К сожалению, великолепные доспехи Генриха VIII из Королевской оружейной палаты Тауэра и Карла V, входящие в королевскую коллекцию Испании, отсутствовали в финальной экспозиции, но каталог дает о них ясное представление. Доспехи Франциска I на выставке присутствовали. Военные или турнирные (за счет замены деталей), они являлись частью большого заказа из нескольких комплектов, предназначенных в дар французскому королевскому дому<sup>20</sup>.

Французское придворное общество XVI в. – публика читающая, равно как и сражающаяся. И тон в этом задавал король, прежде всего Франциск I, рыцарь и ренессансный государь. Это история в лицах. История благородного и утонченного монарха, ценившего искусство, отважного и ловкого, любившего проводить время за охотой и физическими играми [Демидова 2010, с. 57–58] и даже одолевшего в одном из состязаний английского короля Генриха VIII Тюдора<sup>21</sup>, что сказалось на ходе англо-французских переговоров. Проигравший битву при Павии и заявивший, что им было «потеряно все, кроме чести», Франциск сделал невероятно много для становления новой репрезентации королевского двора, монархии и самой Франции в публичном пространстве. Он охотно и щедро покровительствовал итальянским мастерам, добился переезда во Францию великого Леонардо, перестраивал дворцы, был терпим к разворачивавшимся религиозным дискуссиям с протестантами и любопытен по отношению ко всему новому. Мифологизированный образ? Безусловно. Но идеальный пример для подражания, так что литературный Арамис упоминает его в ряду тех, на кого следовало бы ориентироваться благородному человеку<sup>22</sup>. Неудивительно, что в истории дуэлей начало нового этапа ассоциируется именно с этим королем. Рождению дуэли

---

sont eslevez en ce Royaume / par Du Plessis-Mornay, Bergerac, 1585, 10 juin, p. 56). Французский исследователь Дени Крузе рассматривает этот прецедент в контексте развития публичного образа короля Наварры [Crouzet 1990, pp. 541–543].

<sup>19</sup> Дуэль: От Божьего суда до благородного преступления. С. 60.

<sup>20</sup> Там же. С. 72.

<sup>21</sup> Речь идет о состязании во время встречи на «Поле золотой парчи», в 1520 г. Проигравший Генрих Тюдор был очень уязвлен этим обстоятельством.

<sup>22</sup> On ne gagne pas toutes les batailles. Le grand Pompée a perdu celle de Pharsale, et le roi François Ier, qui, à ce que j'ai entendu dire, en valait bien un autre, a perdu cependant celle de Pavie (*Dumas A. Les Trois mousquetaires. T. 1–2. Paris, 1844. P. 108*).

как поединку чести<sup>23</sup> посвящен третий раздел каталога<sup>24</sup>, включающий как трактаты, так и образцы оружия. И, конечно же, авторы не обходят стороной невероятную по своей трагичности историю его сына, короля Генриха II, получившего на турнире смертельное ранение. В каталоге представлен подвижный полудоспех из собрания Музея армии в Париже, созданный около 1550 г. и вполне вероятно принадлежавший Генриху II<sup>25</sup>, а также знаменитая гравюра из серии «Сорок картин»<sup>26</sup> Жана Перриссена и Жака Торторея, посвященная последнему турниру короля-рыцаря<sup>27</sup>. В отличие от своего отца, Франциска I, Генрих куда менее романтизирован, да, пожалуй, и известен. Более того, исследователи также продолжительное время отказывали этому монарху во внимании [Уваров 2020, с. 532–533], зачастую сводя оценку его деятельности к усилению гонений на гугенотов, ставшему прологом продолжительных религиозных войн второй половины XVI в. И хотя в последнее время ситуация изменилась<sup>28</sup>, яркая личность этого короля по-прежнему так или иначе привлекает обстоятельствами его гибели. Тем более в контексте темы поединков.

Связан с именем Генриха де Валуа и еще один знаменитый поединок, состоявшийся в 1547 г. Как-то, еще будучи наследником престола, Генрих, задевший честь дамы, был обвинен во лжи Ги де Шабо де Жарнаком. Дофин не мог в силу своего статуса драться на дуэли сам, поэтому за него вызов бросил его приближенный, Ла Шатеньере. Франциск I запретил сражение, но оно все же состоялось, когда Генрих взойшел на престол. Вопреки ожиданиям, де Жарнак одержал победу над искусным противником, подарив французским фехтовальщикам «удар Жарнака». Портрет де Жарнака, выполненный ок. 1555 г. в технике рисунка, включен в каталог<sup>29</sup>.

---

<sup>23</sup> Честь представляется настоящей религией дворянства, а с усилением «людей мантии» и в противовес им воинская доблесть (дуэль, в частности) становится еще одним способом подчеркнуть свой статус [Новоселов 2005].

<sup>24</sup> Дуэль: От Божьего суда до благородного преступления... С. 77–95.

<sup>25</sup> Там же. С. 86.

<sup>26</sup> Premier volume, contenant quarante tableaux ou historoires diverses qui sont mémorables touchant les guerres, massacres et troubles advenus en France en ces dernières années. Genève, 1569–1570.

<sup>27</sup> Дуэль: От Божьего суда до благородного преступления... С. 94–95.

<sup>28</sup> В частности, в 2019 г. в Сен-Жермен-ан-Ле проводилась масштабная выставка, посвященная 500-летию со дня рождения Генриха II де Валуа, в рамках которой король позиционировался и как успешный правитель, и как покровитель искусства [Шаповалова 2019].

<sup>29</sup> Дуэль: От Божьего суда до благородного преступления... С. 82.

Настоящая «дуэльная лихорадка» охватывает период последней трети XVI – первой трети XVII в. – ей посвящен четвертый раздел каталога<sup>30</sup>. И здесь, в том числе, представлена серия портретов, выполненных в технике рисунка. Французский портрет в эту эпоху претерпевает изменения. Если рисунок, выполненный мелом, сангиной или в технике «трех карандашей», прежде служил, как правило, вспомогательным изображением, то в XVI в. интерес к нему как к самостоятельному произведению заметно растет. Такие портретные рисунки сегодня прекрасно иллюстрируют двор последних Валуа, являясь частью не только французских коллекций, но и отечественных. Все любители романов Александра Дюма, безусловно, узнают графа Жака де Келюса, Луи де Можирона и фаворита дома Гизов Шарля д'Антрага<sup>31</sup>, участников знаменитой «дуэли миньонов»<sup>32</sup>.

Столь стремительное развитие дуэльной практики способствовало формированию представлений о фехтовании как об искусстве, что, в свою очередь, превратило его в обязательную часть воспитания и образования дворянина Нового времени<sup>33</sup>. В этом процессе заметно влияние ренессансной культуры с ее вниманием к античной традиции гимнастических упражнений, точным наукам (в частности, геометрии), анатомии и т. д.<sup>34</sup> Развиваются школы фехтования, печатаются трактаты, посвященные различным техникам и приемам. Подобный прагматичный подход прекрасно иллюстрирует, что к концу XVI в. смысл дуэли был уже весьма далек от «Божьего суда» – победу одерживал тот, кто оказывался более искусен во владении шпагой и кинжалом<sup>35</sup>.

Теме запрета дуэлей в каталоге, как и на выставке, также уделено достаточно внимания. Два последних раздела издания именно об этом. И вполне ожидаемо один из них связан с именем кардинала Ришелье<sup>36</sup>. Его рациональный подход к государственному

<sup>30</sup> Там же. С. 96–124.

<sup>31</sup> Там же. С. 106–108.

<sup>32</sup> Поединок, состоявшийся 27 апреля 1578 г. Погибшим миньонам Генрих III приказал воздвигнуть мраморный памятник в Париже. Он был уничтожен восставшими парижанами после убийства королем герцога де Гиза в 1588 г.

<sup>33</sup> Дуэль: От Божьего суда до благородного преступления... С. 126.

<sup>34</sup> Там же. С. 126.

<sup>35</sup> Там же. С. 129.

<sup>36</sup> В экспозиции был представлен портрет кардинала Ришелье из собрания Государственного Эрмитажа. Согласно первоначальному замыслу, отраженному в каталоге, это должна была быть работа мастерской Филиппа де Шампеня из Национального музея замков Версаль

управлению был исключительно эффективен для становления французской государственности и укрепления власти Бурбонов, но шел вразрез с представлениями о чести и праве дворянства отстаивать ее, не считаясь с королевскими эдиктами. Примечательно, что мечтавший в юности о военной карьере Ришелье обучался в академии Антуана де Плювинеля, чье «Наставление королю в искусстве верховой езды» с великолепными гравюрами демонстрирует разработанные им методики<sup>37</sup>. Так что параллельно с сюжетом о казненном дуэлянте графе де Бутвиле<sup>38</sup> в каталоге представлены и истории о бесчестии уклоняющихся от поединка<sup>39</sup>, дуэлях во время осады Ла-Рошели и снисходительности кардинала к приближенным к нему дворянам<sup>40</sup>. «Окончательная победа» Людовика XIV над поединками чести также была далеко не полной, хотя, благодаря предпринятым мерам, их число действительно значительно сократилось<sup>41</sup>.

Возвращаясь к визуальной составляющей театра чести и рыцарства, нельзя обойти вниманием, что оружие и доспехи также демонстрируют великолепие декоративно-прикладного искусства представленной эпохи. Образный ряд, украшающий нагрудники и шлемы, гарды, ножны и клинки отражает придворный кодекс, в котором дворянин сочетал качества воина и любовника<sup>42</sup>. Например, классический для ренессансного искусства сюжет о пленении Вулканом Марса и Венеры и не менее значимые библейские сюжеты героического толка, как сражение Давида и Голиафа или победа Юдифи над Олоферном. Пышный декор, как правило, имел как эстетическое, так и символическое значение: представленные добродетели должны были направлять владельца, изображения тех или иных античных богов служили аллегориями должных качеств, а христианские мотивы подчеркивали благочестие. Ярким примером назидательного нарратива может служить образный ряд доспехов инфанта, будущего короля Испании Филиппа III, происходящих из Королевских коллекций в Мадриде<sup>43</sup>. Сюжет, запечатленный на клинке, мог отражать и реальное историческое событие, как в случае с парадным кинжалом из Санкт-Петербурга

---

и Трианон (см.: Дуэль: От Божьего суда до благородного преступления... С. 174).

<sup>37</sup> Дуэль: От Божьего суда до благородного преступления... С. 194.

<sup>38</sup> Там же. С. 170–173, 175, 179.

<sup>39</sup> Там же. С. 178.

<sup>40</sup> Там же. С. 172–173.

<sup>41</sup> Там же. С. 201.

<sup>42</sup> Там же. С. 189.

<sup>43</sup> Там же. С. 192.

бургского Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. С большим основанием можно считать, что кинжал был преподнесен дипломатами Республики Соединенных провинций Нидерландов королю Людовику XIII после падения Ла-Рошели, осада которой изображена на клинке в технике гравировки золотом<sup>44</sup>. Подобный подарок не только прославлял победу французского короля, но и подчеркивал союзнические отношения между ним и дарителями<sup>45</sup>.

Все это предметы, оживляющие эпоху, где каждый персонаж словно выходит из тени, переставая быть лишь одним из имен в исторической хронике, обретая индивидуальность, бросая наглую вызов и вынимая шпагу ножен, несмотря ни на какие эдикты. Ведь, по словам барона де Жарнака, «наши жизни и имущество принадлежат королям, души принадлежат Богу, а честь принадлежит только нам самим, поскольку над моей честью у моего короля нет совершенно никакой власти»<sup>46</sup>.

Подводя итог, следует отметить, что каталог представляет собой научное издание с качественными репродукциями экспонатов (доспехов, оружия, украшений, произведений печатной графики и т. д.), дополненные подробными историческими и искусствоведческими комментариями, рядом исторических статей, а также внушительной библиографией, включающей, в том числе, текстовые источники, в результате чего каталог может быть полезен не только историкам и искусствоведам, но и всем интересующимся как историей дуэлей или оружия, так и европейской придворной культурой XVI–XVII вв.

### *Литература*

- Crouzet 1990 – Crouzet D. Les guerriers de Dieu. La violence au temps des troubles de religion (vers 1525 – vers 1610). T. 2. Champ Vallon, 1990. 738 p.
- Демидова 2010 – Демидова М.А. Идеальная резиденция ренессансного правителя: Дворец Фонтенбло эпохи Франциска I. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 351 с.
- Новоселов 2005 – Новоселов В.Р. Последний довод чести: Дуэль во Франции в XVI – начале XVII столетия. СПб.: Атлант, 2005. 285 с.
- Уваров 2020 – Уваров П.Ю. «Королевское суперинтенданство над всею Галликанской церковью»: Об одном малоизвестном проекте времен Генриха II (1556) // На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы

<sup>44</sup> Там же. С. 190.

<sup>45</sup> Там же.

<sup>46</sup> Там же. С. 79.

- в конце XV–XVII вв. / Отв. ред. И.Н. Берговская, В.Д. Назаров, П.Ю. Уваров. Калуга: Калуж. гос. ин-т развития образования, 2020. С. 531–554.
- Шаповалова 2019 – *Шаповалова Е.В.* [Рец.]: Henry II à Saint Germain en Laye. Une Cour Royale à la Renaissance. P., 2019. 183 p. // *Studia Religiosa Rossica*: научный журнал о религии, 2019. № 4. С. 174–179.

## References

---

- Crouzet, D. (1990), *Les guerriers de Dieu. La violence au temps des troubles de religion (vers 1525 – vers 1610)*, t. 2, Champ Vallon, France.
- Demidova, M.A. (2010), *Ideal'naya rezidentsiya renessansnogo pravitelya. Dvorets Fontenblo epokhi Frantsiska I* [Ideal residence of the Renaissance ruler. The Palace of Fontainebleau in the Age of Francis I], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.
- Novoselov, V.R. (2005), *Poslednii dovod chesti: Duel' vo Frantsii v XVI – nachale XVII stoletiya* [The last argument of honor. Duel in France in the 16<sup>th</sup> – early 17<sup>th</sup> centuries], Atlant, Saint Petersburg, Russia.
- Uvarov, P.Yu. (2020), “Royal superintendence over the entire Gallican church. About a little-known project of the time of Henry II (1556)”, in Bergovskaya, I.N., Nazarov, V.D. and Uvarov, P.Yu. (eds.), *Na puti k gosudarstvam Novogo vremeni: Zapad i Vostok Evropy v kontse XV – XVII vv.* [On the way to the states of Modern times. West and East of Europe at the end of the 15<sup>th</sup> – 17<sup>th</sup> centuries], Kaluzhskii gosudarstvennyi institut razvitiia obrasovaniya, Kaluga, Russia, pp. 531–554.
- Shapovalova, E.V. (2019), “[Book review]: Henry II à Saint Germain en Laye. Une Cour Royale à la Renaissance. Paris, 2019, 183 p.”, *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 4, pp. 174–179.

## Информация об авторе

*Елена В. Шаповалова*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125047, Миусская пл., д. 6; e.sokhina@gmail.com

## Information about the author

*Elena V. Shapovalova*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; e.sokhina@gmail.com

Оформление обложки  
*М.Е. Заболотникова*

Корректор  
*Ж.П. Григорьева*

Компьютерная верстка  
*М.Е. Заболотникова*

Подписано в печать 17.05.2023

Формат 60×90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>

Уч.-изд. л. 9,2. Усл. печ. л. 9,3

Тираж 1050 экз. Заказ № 1730

Издательский центр  
Российского государственного  
гуманитарного университета  
125047, Москва, Миусская пл., 6  
[www.rsuh.ru](http://www.rsuh.ru)